

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К56

К56   **Коваленко, Марья.** Оголенные чувства / Марья Коваленко. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 416 с. («Твоя любовь»).

ISBN 978-5-17-163971-6

Когда я — скромная студентка решила подменить подругу на подработке, я и предположить не могла чем кончится обычный, казалось бы вечер. Но встреча с горячим и темпераментным мужчиной положила начало новой истории и стала причиной разбитого сердца.

После каждый зажил своей жизнью. Он — как ему хотелось. Я — без иллюзий и с малышом под сердцем.

Но однажды его красавице-жене понадобилась медицинская помощь — зачать ребенка... от донора, потому что муж бесплоден.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-163971-6   © Коваленко М., текст, 2024.
© ООО «Издательство АСТ», 2024.

*Я тебя
забуду*

ГЛАВА 1. БУМЕРАНГ

Иногда они возвращаются.

— Елизавета Ивановна! Подождите, пожалуйста! — слышится за спиной гнусавый голос Савойского, заведующего отделением репродуктивной медицины и моего непосредственного начальника.

Останавливаться нет желания. Никогда в жизни не верила в предчувствия, но сейчас что-то будто само толкает вперед. К двери! За которой парковка, машина и конец рабочего дня. Заслуженный, между прочим!

— Милочка, да что ж... ты... такая... быстрая?! — Судя по паузам, у нашего драгоценного босса начинается одышка. — Летишь, словно муж... дома... ждет!

Умом понимаю, что не обязана волноваться об этом человеке. За три года совместной работы и два — ординатуры Савойский палец о палец не ударил ради меня. Постоянные переработки, мизерные премии вместо тех, что я действительно заработала, и присваивание результатов моих трудов стали для заведующего нормой. А теперь еще и намеки на мужа, которого у меня нет и никогда не было.

У самой двери все же притормаживаю. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и выставляю перед собой руки. Как раз вовремя! Еще чуть-чуть, и огромный живот Савойского припечатал бы меня к стене.

— Давайте заранее договоримся, никаких «особых поручений»!

— У меня нет для тебя поручений! — Свинные глазки стреляют по моему скромному декольте. И влажный язык облизывает пухлые губы. — Но Николай Степанович просил принять одну его знакомую.

При упоминании Кравцова, владельца клиники, на одутловатом лице Савойского возникает кислая гримаса.

— Пациентку? Кравцов? — Я нервно стучу каблуком по кафельному полу. — Это какая-то ошибка. У меня отпуск через неделю. Я не могу брать никаких пациентов. Максимум, что успею — осмотреть и назначить анализы. И то не представляю когда. Все давно расписано.

— Я предлагал шефу свою помощь. — Савойский кричится еще сильнее. — Но он хочет, чтобы пациенткой занялась именно ты.

— После отпуска. Обязательно приму!

Стараясь не цокать, я осторожно пячусь в сторону двери. Однако сбежать так и не получается. Плата за доверие Кравцова настигает тут же.

— Дорогая, не хочу тебя расстраивать, но принять пациентку нужно прямо сейчас. — Савойский даже не пытается скрыть победную улыбку. — Она вместе с мужем уже ждет. Под дверью твоего кабинета. А здесь вся информация.

Заведующий передает папку, красивую, с логотипом конкурентов. И пока я мысленно считаю до десяти, пытаясь успокоиться, стягивает со своего необъятного тела белый халат и направляется к выходу. К парковке. К своей машине. К свободе, на которую мне теперь не стоит и рассчитывать.

Можно ли было привыкнуть к подобному за пять лет в клинике? Наверное, да. Другие как-то смирились. Формула «Ты начальник — я дурак» работала без сбоев.

Но не привыкалось. Возможно, потому что именно я тянула львиную долю тяжелых случаев. Возможно, потому что устала доказывать всем и каждому, что уже не девочка и, несмотря на свои двадцать восемь, имею за плечами и опыт, и диссертацию.

***

Против воли возвращаюсь в кабинет. Неспешно иду по длинным белым коридорам, которые сразу после окончания вуза стали для меня родными. На ходу листаю папку с историей болезни.

С виду ничего нового. Несколько лишних анализов, которые никак не могли повлиять на общую стратегию лечения, но неплохо увеличивали итоговый счет. Вполне оптимистичное заключение врача. И целый ворох согласий на различные процедуры.

Пока дохожу до своего рабочего места, успеваю пробежаться глазами по всем. Но на последнем меня словно кто-то останавливает. Ничего не понимая, оглядываюсь по сторонам. Лишь после этого возвращаюсь к согласию.

В принципе, ничего особенного. Стандартная процедура. Согласие мужа на использование донорской спермы. Учитывая, как часто именно мужья оказываются источником проблем с зачатием, даже удивляться нечему.

Однако то самое предчувствие, которое гнало из клиники, сигнализирует, что все не так просто. Сердце бьется ровно, но чуть медленнее, чем обычно. Кончики пальцев легонько покалывает. Легкие старательно качают воздух, но его все равно будто бы мало.

Непривычное для меня ощущение. Не помню, когда последний раз чувствовала нечто подобное. Наверное, лет девять назад, на втором курсе института, когда от полного безденежья согласилась подработать официанткой в ресторане. На пару ночей заменила приболевшую подругу.

Тогда одна случайная встреча изменила жизнь и чуть не поставила крест на карьере. Сейчас... такое не может повториться. Я давно не студентка, а медцентр не ресторан с сомнительной репутацией.

Но, когда делаю последний поворот и останавливаюсь у двери своего кабинета, невозможное становится возможным.

— Вы Елизавета Ивановна?

Навстречу поднимается красивая женщина примерно моего возраста. Но, в отличие от меня, цветущая, без синевы под глазами и с нормальным, здоровым румянцем.

— Здравствуйте. — Изю всех сил растягиваю губы в улыбку, стараясь не смотреть в сторону, на второго посетителя.

— Николай Степанович сказал, что вы его лучший специалист. У нас столько надежд на вас! — Дама всплещивает руками и оборачивается. — Правда, дорогой?

Будто рискую ослепить сетчатку яркими лучами, я зажмуриваюсь. А потом начинаю спешно искать в сумочке свои очки. Простые. В громоздкой роговой оправе, с символическими диоптриями.

В годы ординатуры только они и спасали. Мало кто хотел стать объектом исследований неопытного врача, а в очках — пациентки с легкостью усаживались на гинекологическое кресло, не обращая внимания на молодость доктора.

— Дорогой?..

Так и не услышав ответа, пациентка поворачивается боком к своему мужу, и теперь между мной и широкоплечим строгим мужчиной в дорогом костюме не остается ни одной преграды.

— Да. Мы надеемся, — произносит он спокойно, будто речь не о ребенке, а о поставке контейнеров из Китая. И хмурится, окидывая меня сканирующим взглядом.

— Владелец клиники сказал, что из всех врачей доверяет только вам. — Женщина гордо вскидывает подбородок. Рассказывает о моих заслугах, будто решила записаться в рекламные агенты.

А я резко гложу и до боли закусываю щеку изнутри.

Чтобы не рухнуть на пол, хватаюсь за дверную ручку. И жадно рассматриваю до боли знакомые красивые серые глаза мужчины, его прямой нос, высокие скулы, короткие вьющиеся волосы и небольшую родинку над правой бровью. Точь-в-точь как у моего восьмилетнего сына.

ГЛАВА 2. КОЛЬЦА НА ВОДЕ

*Мужская память как винчестер
на старом компьютере.
Порой виснет. Порой хранит
лишь битые файлы.*

В кабинет захожу не дыша. За спиной звонкий цокот, глухие мужские шаги. Но я не оглядываюсь.

В мыслях вращается бумеранг. Обычный, с прямыми углами. Такой, что возвращается через несколько секунд, стоит только бросить.

Никогда не любила подобные забавы. Даже когда сын упрашивал поиграть с ним. Не нравились мне все эти штуки с бросками и возвращением. Было в них что-то... горькое.

А теперь вот! В полный рост! С ранней сединой на висках. С плечами, которые за девять лет, казалось, стали лишь шире. Гладковыбритый вместо прежней модной щетины. И со взглядом... равнодушным, как в нашу первую встречу. Словно наверху кто-то решил, что пора переиграть старый сценарий.

К счастью, как только я сажусь за свой стол, профессионализм берет верх над эмоциями. Не глядя на часы, опрашиваю пациентку. Красной ручкой, чтобы не забыть, вношу пометки в ее медицинскую карту. Выписываю направления на анализы.

— В прошлой клинике я уже все это сдавала, — растерянно жмет плечами дамочка... Анастасия Дмитриевна Шаталова.

— Прошло три месяца. Прежние результаты уже неактуальны.

В отличие от своих коллег из первой клиники, я не вру. Во-первых, не люблю этого. Во-вторых, если ее направил ко мне Кравцов, то значит, никакой особой выгоды он не ждет.

— Да... — Шаталова разочарованно поворачивается к мужу.

Во взгляде так и читается: «Скажи ей, чтобы отстала!»

— Моя жена сдаст все необходимые анализы, — безразличным тоном произносит ее «спаситель». — Что еще потребуется?

— В медицинской карте отсутствует ваша спермограмма. — Чтобы посмотреть на Шаталова, приходится собрать в кулак всю волю. — Я прямо сейчас могу назначить расширенное обследование и распечатать вам инструкцию, как готовиться к сдаче материала.

Голос звучит четко, без дрожи. Но на последней фразе внутри все начинает клокотать. Неуместные, слишком интимные воспоминания взрываются в голове яркими вспышками.

— Не нужно. Пустая трата времени, — холодно обрубает Шаталов.

— Если есть хотя бы один шанс... — Я все же срываюсь на хрип. — То не понадобится никакой донор.

На слове «донор» хочется подняться с места и рвануть за дверь. Ненадолго. Просто продышаться. Без лишних глаз и чужого, слишком пристального внимания.

— Я бесплоден. Полностью. Это установленный факт. Занимайтесь женой. — Шаталов словно хлещет фразами по моим щекам.

Те тут же вспыхивают. И чтобы не выдать себя или, что еще хуже, не рассмеяться, я отворачиваюсь к монитору.

— Хорошо. — Поправляю очки и волосы. Черные. В каре. — Сейчас выпишу последние направления, и через три недели сможем начать.

Непослушными пальцами вношу в свеженькую анкету оставшиеся данные. Больше не оглядываюсь и не пыта-

юсь что-то понять. Стараюсь выполнять свою работу, как делаю это уже пять лет. Но не успеваю нажать на кнопку печати, как Шаталов встает. И, поставив руки на столешницу, наклоняется ко мне.

— Елизавета Ивановна... — произносит медленно, будто пытается почувствовать вкус моего имени. — Мы раньше с вами не встречались? — как гром среди ясного неба раздается возле самого уха.

Паника молнией проносится по телу. От внезапной близости вспыхивают все нервные окончания. Огнем горит каждый сантиметр кожи. Я и забыла, как это бывало. Особая магия этого мужчины. Девять лет прошло, но работает! Словно прописано в коде ДНК.

— Вряд ли. — Ногти до боли впиваются в ладонь, и голос звучит спокойно.

— У меня странное ощущение, что где-то вас видел.

Шаталов вскидывает руку и без разрешения касается моего лица. Ведет кончиками пальцев вдоль левой скулы. От щеки к виску. Заправляя выбившуюся прядь, скользит по уху. Когда-то оттопыренному, как у смешного эльфа. И уже пять лет — обычному. Без осточертевшей лопухости.

Потрясенная, я не шевелюсь и не отвечаю. Жар от мужских пальцев стекает по шее, огненным шаром катится по груди и животу.

Дикая реакция. Слишком острая. Я как металлический осколок, который притягивает к магниту. Никакой воли. Чистая физика.

— Напомнили... одну девушку. — Не скрывая досады, Шаталов убирает руку и садится в кресло.

До раскрасневшей жены ему будто бы нет никакого дела.

— По статистике у каждого человека на земле не меньше десяти двойников. — Внутри все в лохмотья, но я улыбаюсь. — Вы обознались.

***

Несмотря на то что хочется поскорее закончить, прием длится как обычно — стандартные сорок минут. Куча времени, однако вопрос с бесплодием Шаталова так и остается для меня загадкой.

Из доказательств лишь заключение врача с указанием проведенных обследований. Нет ни одного анализа.

Можно, конечно, спросить у самого пациента. Но эту мысль отсеиваю сразу. Во-первых, он не врач. Четко объяснить не сможет. Во-вторых, я заранее знаю: не станет Шаталов ничего рассказывать. Попытку узнать он обрубил сразу, и, если настаивать, сделает так же, только жестче.

«Связаться с клиникой», — ставлю себе пометку на полях медицинской карты и прощаюсь.

Будто тоже вымотались за этот прием, Шаталовы не задерживаются. Когда оба направляются к выходу, я наконец расслабляюсь. Позволяю себе отключить бдительность. Но у двери Шаталов пропускает жену вперед и внезапно оглядывается.

От его взгляда по телу разбегаются мурашки. Казалось бы, за встречу я должна была привыкнуть к шоу ощущений, которое устроило сегодня собственное тело. Однако этот взгляд выбивает из колеи сильнее, чем прикосновение.

Шаталов словно трепанацию мне делает. Медленно вскрывает мозг и изучает каждую извилину. Ищет. Перебирает. Без анестезии давит на живую ткань.

В ответ так и хочется сознаться. Вынуть из кошелька фотографию сына. Бросить в лицо этому «бесплодному» мерзавцу и спросить, где он, черт бы его побрал, шлялся все эти годы.

От желания выкричатся сохнет во рту. А горло дерет, как во время ангины.

Вероятно, встретиться мы так лет шесть или семь назад, я бы сорвалась. Тогда учеба и маленький ребенок на руках забирали все силы. А сейчас тяну губы в улыбку и говорю: «До свидания». Так холодно, что серые глаза заполняет чернота и уже через пару секунд я остаюсь одна.

***

После ухода Шаталовых чувствую себя спущенным колесом. Идти не хочется, хотя Глеб наверняка ждет, да и сама я дико соскучилась по сыну. Остаться тоже нет никакого желания.

Слушая, как где-то в коридоре орудует шваброй уборщица, пялюсь в окно на собственное отражение. Какой-то неподъемный груз на плечах мешает подняться.

«Мог ли Шаталов узнать меня спустя девять лет?» — крутится в голове вопрос, требуя ответа.

Сердце твердит: «Да!» Ему до сиреновой луны все внешние изменения.

Разум отвечает: «Нет!» — и словно в подтверждение заставляет открыть верхний ящик стола и достать старую фотографию. На ней я с Глебом в его первый день рождения.

Лопухая блондинка с декретной косой до пояса. Похудевшая настолько, что не осталось ни щек, которые когда-то любил целовать один мужчина, ни попы, которая сводила его с ума, ни счастливого, глуповатого выражения лица. Призрак с молочной грудью третьего размера.

Некоторые гусеницы превращаются в бабочек. За девять лет, с помощью парикмахера, пластического хирурга, краски для волос и нескольких тысяч бессонных ночей, я тоже поменялась до неузнаваемости.

Из длинноволосой блондинки — в брюнетку с каре. Из нескладной лопухой девчонки — в женщину с уставшим лицом, обычными ушами и совсем другой фигурой. Женственной, местами округлой, а местами слишком худой, будто мой тяжелый декрет все еще не закончился.

— Красивая, — раздается в полной тишине, и я заторможенно поворачиваюсь к открытой двери.

— Коля? — Сняв очки, смотрю на владельца клиники.

Высокого блондина лет тридцати. Эффектного, как с обложки журнала.

— Прости, что заставил задержаться. — Кравцов входит в кабинет и останавливается рядом, опершись боком о край стола.

— Ты бы хоть сообщил заранее. Не через Савойского!

Мы касаемся друг друга ногами, но я не отодвигаюсь.

— Днем был занят. Аркадий Петрович должен был сказать тебе еще в обед. Не сказал?

— Я почти уехала с работы. — Закрываю глаза и позволяю себе глубокий вдох.

— Похоже, Савойский все еще злится, что не может тебя поиметь. — Коля смеется. Громко, словно ему все равно. Лишь глаза серьезные.

— Обязательно было отдавать новых пациентов мне?

Тему рабоче-постельных отношений решаю не развивать. Все, что могло случиться, уже случилось и поросло быльем.

— Лиза... — Коля меняется в лице. — Шталовы для меня особые клиенты. Ими придется заняться прямо сейчас.

— Сейчас? — Я сглатываю все слова, которые рвутся наружу.

Приличные врачи не ругаются матом. Во всяком случае, при начальстве.

— Я знаю, что у тебя отпуск. Извини. — Кравцов проводит рукой по своим отросшим светло-русые волосам. И правый уголок его тонких губ ползет вниз.

— Это не просто отпуск! Это мой первый отпуск за три года! — все же взрываюсь. — Признайся, ты так поступил, чтобы наказать меня?

Резко встаю и начинаю раздеваться. Расстегиваю халат. Быстро справляюсь с пуговицами на платье. Пока Кравцов ловит челюсть, успеваю добраться до последней — над поясом. И, распахнув ворот, обнажаю кружевной бюстгальтер.

— Лиз... Ты... — Коля кладет ладонь на свой пах и поправляет мгновенно вздыбившийся член.

— Тебе это нужно, чтобы отпустить меня в отпуск? — Развернувшись к стене, прогибаюсь в пояснице и встаю на носочки.

Идеальная поза. Знаю. С любовью не повезло, так хоть учитель был хороший. Трахал и обучал на совесть.

— Лиза, ты не так поняла...

Кравцов не прикасается, но я кожей чувствую, как его взгляд скользит по кружеву чулок.

— Давай, трахай. Только резинку не забудь, а то после твоей жены и комплекта любовниц что угодно можно подхватить.

— Черт, Градская! — хрипит Коля и силой поворачивает меня к себе лицом.

— Если хочешь минет, то забудь. В презервативе не люблю. А без него в рот брать не стану.

Наверное, уже нужно остановиться. Но слишком много мужчин сегодня сделали мне «приятно».

— Да пойми ты, не мог я отправить их к Савойскому. Он же накосячит, будем потом бегать исправлять и извиняться.

— Я сыну море обещала! Мы чемоданы купили. И все видео, какие были в интернете, пересмотрели.

— Ну хочешь, я вам экскурсию на яхте по Финскому заливу устрою? Ты, я, Глеб, и больше никого. — Коля умоляюще смотрит в глаза.

Пару лет назад, когда он только купил нашу клинику, это сработало. Сейчас я слишком хорошо знаю цену такого взгляда.

— Хочу просто я и Глеб. Без «ты». И не по Финскому заливу, а по морю.

Кравцов тяжело вздыхает и опускается в кресло для посетителей.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты язва? — Он смотрит исподлобья. Серьезно, хмуро.

А меня смех разбирает.

При Шаталове так и не рассмеялась. А сейчас покатываюсь. До слез, до боли в щеках. Истерично и громко.

— Я сказал что-то смешное? — с обидой, как большой расстроенный мальчик, произносит Кравцов.

Сейчас он кажется моложе моего сына. Тот лет в пять перестал корчить подобные фальшивые гримасы.

— Язва... — отсмеявшись, говорю я. — Ты спросил, называли ли меня так.

— И?..

— Девять лет назад. Отец моего сына.

Пожалуй, Шаталова сегодня чересчур много. Такого количества напоминаний хватило бы еще лет на девять. Жаль, у памяти не существует стоп-слова.

— Наверное, он был очень пронизательным, если в твои... — Что-то отсчитывая, Коля загибает пальцы. — В твои девятнадцать рассмотрел потенциал.

— Был. Пронизательным, — произношу по словам. И усилием воли заставляю себя выключить режим истеричной бабенки.

ГЛАВА 3. У НЕГО ТВОИ ГЛАЗА

*Мучаешься, рожаясь, не спишь по ночам,
а он вылитый папа.*

После ухода Кравцова я больше ничего не жду. Записная книжка летит в сумочку. Спустя минуту туда же отправляются ключи от кабинета. Пока иду по коридору, весь мой мир сжимается до прямоугольника мобильного телефона.

Считается, что самая сильная зависимость — героиновая. Наверняка исследование проводили мужчины. Как обычно на коленке, с заранее заготовленным результатом. И даже близко не представляя, что такое зависимость матери от голоса сына.

К счастью, долго ждать своей «дозы» мне не придется. Глеб снимает трубку после второго гудка, и сердце вздрагивает, когда в динамике раздается любимый, немного расстроенный голос.

— Мам, ты опять задержалась? — произносит сын с тяжелым вздохом.

— Прости, родной. Я не планировала. Так... вышло.

— Как всегда...

Слышится еще один вздох, и я до боли закусываю губу. Мой мальчик такой серьезный, будто не мне двадцать во семь, а ему.

— Давай я поговорю с твоим начальником, чтобы он тебя больше не задерживал?

Глеб предлагает это не в первый раз, но глаза все равно становятся влажными.

До шести лет он обещал вырасти и расправиться со всеми моими начальниками. Сейчас дорос до «поговорить».

Восьмилетний защитник. Настоящий мужчина. Причем особой породы, элитной. Ничего общего со всякими Савойскими, Кравцовыми и прочими носителями первичного полового признака.

— Обязательно поговоришь. Вот уволюсь, и мы вместе выскажем моему начальству все, что о нем думаем.

— Все-то ты обещаешь! — хмыкает Глеб. — Ладно. Скажи, тебя ждать или идти на ужин к тете Лене? Когда забирала меня из школы, она сказала, что планирует готовить котлеты.

— И ты до сих пор не сбежал за своей порцией? — Я сажусь в машину и завожу двигатель.

Как ни странно, разговор о молодой соседке и ее котлетах заставляет улыбаться. Лена даже для жениха никогда не старалась готовить. А для Глеба согласна часами стоять у плиты или искать в интернете необычные рецепты.

— Я пельмени в морозилке видел. Приедешь, и вместе приготовим, — обрубает этот молодой альфа-самец. Коротко и четко.

Почти как другой альфа полчаса назад в моем кабинете.

— Если хочешь, можем заказать пиццу.

Не так часто я предлагаю сыну подобную альтернативу, но сегодня особый день. Все планы и спокойная работа уже полетели в тартарары. Здоровое питание — последнее, за что стоит держаться.

— Я хочу, чтобы ты поскорее приехала, — твердо говорит Глеб. — Пельменей хватит, — припечатывает он.

От последней фразы улыбка расплывается по лицу от уха до уха. Не возникает и мысли о том, чтобы поспорить. На душе мгновенно становится легче.

Мой собственный наркотик лечит лучше любых лекарств. Восемь лет назад и представить не могла, что ма-